

Константин Липский

ВЕЧЕРНИЙ УЛИСС

Над скалами лежат златые небеса,
И парусник прижался к побережью,
Игрался им Нептун, как камешек бросал
Его на отмели, и спихивал небрежно.
Разгнван бог, и темен лик судьбы,
И павшие пружья взирают гротом черным,
Победа памятна, но хочется забыть:
От Трои шли нагруженные челны...

А бури, а циклоп, а хрюканье свиней?
Молю тебя, Зевес, не помрачь мой разум,
Я смертен, я устал, волна гудит по мне,
И можно ль одному — такое — сразу?!

Блаженная земля. Мираж стоит в глазах,
Итака далека, и путь тернистый долог,
Возлюбленная тень, что можешь ты сказать
О вечной тишине, судьбе и тяжелой доле?

Дотронуться рукой? Рука пройдет насквозь
И ощутит шершавый хладный камень,
Ненадолго, быть может, врозь
Мы оказались; отмели и скалы,

Горячий пламень и холодный ветер —
Смешные, несерьезные преграды...
Наружу выйду, где шуршат в траве,
Себя за хвост хватающие гады...

Крепите парус! — И скрипит корма,
Мигают звезды и сулят успехи,
Нас со скалы приветствует сама —
Младая Дева в золотом доспехе!

ЗАГОРОД

Между листьев — темень и покой,
Угасают выдески протяжные
Низких звезд, размазанных рекой
По песку скучающего пляжа.

И торчит бутылочным стеклом,
Плоскогрудый, в рыбьих переливах,
Тишины искрящийся надлом —
Полоса холодного прилива.

И, устав, свисают небеса,
Шевеленьем звездным ошарашив
Глубь воды, и ежатся леса:
Ночью им и холодно, и страшно.

ТРИГОРСКОЕ

Здесь был когда-то смех;
В скрипучих половицах
Шагов умерших
тихие следы,
Журчание зеркал в зрачках и потных лицах
И капли скользкие скупающей воды.

Колодец под кустом.

Ведро

и вкус железа,
Покой и сон забывших имена,
Дождливый шум аллеи
и гулкий запах леса,
Стихи, камин, вино
и снова —

ТИШИНА.

ПАСМУРНО...

Как длительно падежье сосен
Глазами неба в шум дождя,
И отражением раскосым
Иголки желтые летят.

Песок, кора и паутина
И смятый серый грязный плащ —
Залив, и выгнутые спины
Камней, и вязкие как тина.
Струи дождя на крышах пач.

"...это был старый, очень
старый человек, который
упал ничком в грязь и все
пытался подняться, но не
мог, потому что ему мешали
огромные крылья".

Г.Г.Маркес

За чередой предвиденных причин
Пусты и серы горные пределы,
Где падает в стремительной ночи,
Ломая крылья — камнем черным — демон.

Когтистым лапам скалы не терзать!
В седой щетине слезы пропадают.
И огненными стрелами — глаза —
За тьмой вослед, за уходящей далью.

Потом попомнит, в миску опустив
Надменный лик /когда ты был надменным?/:
"О Господи, верши свои пути,
А мне оставь хотя бы эти стены.

Я так решил, но страшен жребий мой!
Свой сан высокий воронам оставил,
Когда упал в ущелие, зимой,
В минуту став беспомощным и старым.

Меня нашли, согрели и спасли,
Убогою одеждою прикрыли,
Казался странным жителям земли
Один лишь вид

моих

огромных

крыльев!

И день, и ночь сменяются, спеша,
И что-то так мешает за плечами!
О Господи, я слышу, не дыша
Твой голос светлый, и молчу печально".

По случаю предпраздничных забот
Все решено без долгих проволочек,
Заранее известно, что захочет
Разбойника помиловать народ.

Итак, весна. Как-будто рассвело,
И вымыты все руки, в государстве,
А в тишине — Прости! — и — Благодарствуй! —
Бессонницы лиловое крыло.

Костры горели. Путались следы.
Какой-то нищий отрекался снова,
И каменело брошенное Слово,
И даль цвела, и пенились сады.

И тернии отважились цвести,
И промысел Творца казался ложью,
И легионы шли по бездорожью,
За целый час до крестного пути.

.....